



ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ответственный за рубрику: Асатрян Г.С.
© Исламоведение, 2017. Том 8, № 1 (31)
Онлайн-доступ к журналу:
<http://islam.dgu.ru>

ISLAM IN THE CONTEMPORARY WORLD
Person in charge of the section: G.S. Asatryan
© Islamic Studies (Islamovedenie), 2017.
Vol. 8, № 1 (31)
Online access to the journal: <http://islam.dgu.ru>

УДК 316.647:297.1	Содержание статьи	Информация о статье
DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-1-19-28	Введение Формы героизма в истории человечества Террористы, смертники, герои Заключение	Поступила в редакцию: 10.10.2016. Передана на рецензию: 11.10.2016. Получена рецензия: 27.11.2016. Принята в номер: 27.12.2016.
<i>V.V. Kim</i> ⁷		

Героизм и фанатизм: производство псевдогероев в современном мире

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет;
vkv-victory@mail.ru

В статье рассматриваются феномен героизма и его эволюция от античности до наших дней, связь между героизмом и фанатизмом, героизмом и терроризмом, производство новых псевдогероев: фанатиков-террористов в современных террористических организациях. Предпринят анализ образов героев, зафиксированных в истории человечества и социально-гуманитарных науках: воинов, священников, революционеров, камикадзе и др. При изучении суицидального терроризма автор обращает внимание на производство новых фанатичных героев в террористических организациях, на идеологическую обработку сознания террористов, роль СМИ в невольной популяризации террора. Уделяется внимание и подготовке юных героев-террористов в тренировочных детских лагерях ИГИЛ (запрещённая организация в РФ). В итоге автор приходит к выводу, что привлекательность терроризма для молодых людей заключается не только в обретении смысла жизни и веры, но и в возможности стать героем, совершить подвиг.

Ключевые слова: *фанатизм, героизм, герой, суицидальный терроризм.*

UDC 316.647:297.1	Content of the article	Information about the article
DOI 10.21779/2077-8155-2017-8-1-19-28	Introduction. Forms of heroism in the history of mankind. Terrorists, suicide bombers, heroes. Conclusion.	Received: 10.10.2016 Submitted for review: 11.10.2016 Review received: 27.11.2016 Accepted for publication: 27.12.2016
<i>V. V. Kim</i> ⁸		

⁷ Виктория Валентиновна Ким – и. о. зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», к. филос. н., доцент.

⁸ *Viktoriya Valentinovna Kim* – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Acting Head of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines of the Amur State Humanitarian-Pedagogical University.

Heroism and Fanaticism: Making of Pseudo-Heroes in the Contemporary World

The article is a study of the phenomenon of heroism, its evolution from the antiquity to the present day, its relation to fanaticism and terrorism, as well as the making of new fanatic pseudo-heroes in contemporary terrorist organizations. The images of heroes placed on historical and scientific records, e.g. warriors, priests, revolutionaries, kamikaze, are analysed. Considering the suicide terrorism, the author discusses the making of new fanatic heroes in terrorist organizations through ideological processing of their consciousness and defines the role of the mass media in the promotion of terror. The preparation of young terrorist heroes in ISIL's children training camps is also considered. The author concludes that the attractiveness of terrorism for the young people lies not only in finding the life purpose but also in taking an opportunity to become a hero, to perform a feat.

Keywords: *fanaticism, heroism, hero, suicide terrorism*.

Введение

Современный мир дает нам множество примеров героизма военных, спасателей, врачей, ученых и многих других. Ежегодно многие герои получают признание и государственные награды за заслуги перед Отечеством. Однако мы встречаемся с примерами не только истинного мужества, самопожертвования и героизма, но и насилия, агрессии мнимых героев – террористов-фанатиков. В последние годы СМИ доводят до общества информацию о многочисленных террористических актах ИГИЛ, Бoko Харам, Талибана и др. Данные экспертов и журналистов свидетельствуют о том, что в террористические организации добровольно вступают граждане разных стран мира. В связи с этим возникают вопросы: почему люди, становясь террористами и совершая теракты, чувствуют себя героями; какова связь между героизмом и фанатизмом? Эти и другие вопросы будут рассмотрены в данной статье.

Проведение параллели между героизмом и фанатизмом в обществе не случайно, многих героев описывают как фанатиков, поскольку совершенные ими подвиги зачастую оцениваются как запредельные: «выдающаяся храбрость и величие души... сильно способствуют тому, чтобы за человеком утвердилась репутация героя... Героизм, или военная доблесть, возбуждает сильный восторг у большинства людей. Они считают его самой возвышенной из добродетелей» [15, с. 636].

Формы героизма в истории человечества

Феномен героизма в европейской культуре начинается с культа героев в античности (Геракл, Персей, Тесей и др.), а само понятие происходит от французского *héroïsme* – поведение, характеризующееся крайним мужеством перед лицом опасности, общей преданностью делу. В истории человечества мы наблюдаем несколько устойчивых типов героев: герой-воин, герой-священник и т. д., о которых писал Т. Карлейль [5]. Изначально герои представляли собой потомков богов, тех, кто обладал уникальными способностями в сравнении с обычными людьми. Герои были способны на неординарные поступки, они могли иначе видеть ситуацию (например, Тесей и Минотавр, Персей и Андромеда), не учитывать волю богов, отваживались идти против судьбы. Таково античное видение героев, где героизм представлял собой нарушение меры, ведь «проявить «божественную» храбрость способны только цари, ведущие свой род от богов, и исключительные личности, предопределенные к этому судьбой или богами» [10, с. 46].

В Средневековье мы видим героев духа, многих из которых критики религии называют фанатиками. П. Гольбах связывал религиозный героизм с фанатизмом, который особенно ярко проявляется в деятельности сект: «Почти во всех религиях мира мы встречаем множество таких безумцев, которые в своем исступлении считают добродетелью ненависть и презрение к самому себе, добровольное рабство, меланхолию, праздность, самоистязание – короче, непрерывные оскорбления своей природы, не приносящие реальной пользы ни им, ни обществу» [2]. По его мнению, мученичество, самоистязание, фанатизм не являются добродетелями и становятся причиной разорения народов, поскольку последние вдохновляются данным примером, «спешат возвеличить и отличить людей, которые кичатся тем, что презрели величие» [2]. Выходом для Гольбаха, как и для других философов, является критика религии и просвещение общества.

А для Т. Карлейля религиозные лидеры фанатиками не являются. Он посвятил М. Лютеру и Дж. Ноксу главу, которую назвал «Герой как пастырь». Лютер, по его мнению, – это гений, указывающий путь и имеющий способности и упорство следовать ему; человек, изменивший католическую церковь и создавший протестантизм, во многом благодаря личным характеристикам – вере, искренности, упорству и т. п. Дж. Нокс – основатель пуританизма, которого иногда называют фанатиком, по мнению Карлейля, человек, погруженный в свою веру, следующий своему предназначению (то, что Лютер называл немецким *Beruf* – призвание), у которого никаких крайностей в мышлении и поведении не наблюдается. Позиция Лютера и Нокса может быть определена как социально оправданная, поэтому она не подпадает под понятие фанатизм, скорее ее можно представить как результат боговдохновенного энтузиазма. Многие герои, которых описывает Карлейль, достойны почитания, это гении, пророки, изменяющие образ общества, направляющие его. А что же представляет собой героизм вне религии и как его отличить от фанатизма?

Образ настоящего героя описан у Х. Ортеги-и-Гассета в «Размышлении о “Дон Кихоте”» (1914): «В мире находятся люди, исполненные решимости не довольствоваться действительностью. Они надеются, что дела пойдут по-другому, они отказываются повторять поступки, навязанные обычаем и традицией; иными словами, биологические инстинкты толкают их к действию. Таких людей называют героями. Ибо быть героем – значит быть самим собой, только собой. Если мы оказываем сопротивление всему обусловленному традицией и обстоятельствами, значит, мы хотим утвердить начало своих поступков внутри себя. Когда герой хочет, не предки и не современные обычаи в нем хотят, а хочет он сам. Это желание быть собою самим и есть героизм» [8]. Герой, по мнению Ортеги, вечно сопротивляется «обычному и общепринятому», потому что хочет быть собой, в этом смысл его существования.

Так насколько же близки понятия фанатизма и героизма? Исходной точкой в анализе будет определение фанатизма. Под фанатизмом понимается особое состояние сознания, фанатичная вера, сопровождающаяся такими характеристиками, как догматизм, бинарность мышления и др. Но героизм не является состоянием сознания, скорее его можно представить как социальное действие и его результат, точнее – его оценку, которая дается определенным действиям, поступкам и т. д. Таким образом, мы не можем говорить о тождестве героизма и фанатизма в силу их различных социальных измерений (чувство и действие). Подвиг (результат героизма) совершается обычно ради какой-то цели, мотивацией к нему служат чувства (любовь, ненависть и т. д.). Их чрез-

мерность рождает фанатичное отношение, что не исключает возможности совершения подвига фанатиком, но и не делает героизм фанатизмом.

Во время Второй мировой и Великой Отечественной войн было совершено множество героических поступков. Подвиги советских солдат гитлеровская пропаганда расценивала как проявления советского (большевистского) фанатизма, считала их бессмысленными, нерациональными, поскольку они не поддавались привычной рационализации. Например, таран летчиков (как советских для фашистов, так и японских для американцев) для врага не имел смысла, поскольку подвиг обнулялся потерей жизни. Однако, с точки зрения советского человека, это был героизм патриотов, людей, которые выполняли свою работу, не геройствуя, защищая свои семьи и страну. Они не считали себя героями, их оценивали как героев.

Таким образом, героизм связан с сознательным выбором человека, жертвенностью, подвигом, в котором видно, что человек служит обществу, идее, что он осознает масштаб задач. Он не суживает сознание, не подчиняет свою жизнь служению идее, что является характерным для фанатика. Этот героизм очень близок истинному, благородному энтузиазму И. Канта, согласно которому человек должен руководствоваться в своем поведении истинным моральным энтузиазмом, невзирая ни на какие препятствия, продолжать движение к моральной цели. Он «требует категорически выполнять требования разума, несмотря ни на какие опасности или потери, ибо здесь идет речь не о цене или о большем или меньшем благе, здесь признается достоинство человеческой личности, ее внутренняя ценность, имеющая только умопостижимый характер» [7, с. 153]. Примеры такого героизма нередки в обществе.

В истории разных народов были примеры самоубийств, которые расценивались как героические. Так, в 102 г. до н. э. после сражения при Аквах Секстиевых (Экс-ан-Прованс), в котором римляне победили кимвров и тевтонцев, 300 тевтонских женщин убили детей и себя, когда их просьбу стать служанками в храмах отвергли. На самоубийство пошли 960 евреев общины сикариев в I в. до н. э., которые не хотели быть завоеванными римлянами. В 67 г. жители еврейского города Гамла бросились в пропасть, когда крепость завоевали римляне. Известен индийский обычай джаухар – самоожжение женщин из высших слоев общества, как правило, перед началом сражения, для того, чтобы овдовевший супруг яростнее сражался. Массовые самоожжения в 1303, 1535, 1568 гг. раджпурских женщин из Мевара при осаде исламскими завоевателями Читторгарха (столицы Мевара) были вызваны стремлением избежать обращения в другую веру. Эти и другие примеры массовых самоубийств можно оценивать по-разному: с точки зрения историко-культурного контекста данные поступки чаще воспринимаются как героические, как примеры самопожертвования, с точки зрения противников – как проявление помешательства. Самоубийство является наиболее простым, хотя и трудным в воплощении, способом решать возникающие проблемы, однако не менее сложным и героическим будет выбор человека в пользу жизни и продолжения борьбы (например, работа в подпольном и партизанском движениях в годы Великой Отечественной войны).

Анализ героизма предпринимает и С.Н. Булгаков. Интеллигентский героизм, описанный им, относится к мнимому героизму. Героизм представляет собой «основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожения», основными чертами которого выделены: героический экстаз, некоторая истерия, непрерывное мученичество, жертвенность, русский атеизм как наивная вера, «социальное покаяние» перед народом, аскетизм и пуританизм, мечтательность, утопизм и т. д. [1].

Все перечисленные черты «канонизируют» героя и делают его весьма привлекательным для окружающих. Превращение русского юноши или вчерашнего обывателя в тип героический есть несложный, большей частью кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии человекобожества и quasi-научной «программы» какой-либо партии, а затем соответствующая перемена собственного самочувствия, после которой сами собой вырастают героические котурны [1]. Характерными особенностями русского интеллигента являются мечта – быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа и максимализм. Последний «имеет признаки идейной одержимости, самогипноза, он сковывает мысль и вырабатывает фанатизм, глухой к голосу жизни» [1]. В итоге появляется герой, который «есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя», который стремится выйти «за пределы обыденного долга» [1]. Именно этот интеллигентский героизм сближается с фанатизмом своей непогрешимостью, пренебрежением к инакомыслящим, отвлеченным догматизмом, указывает Булгаков, называя его лжегероизмом. А настоящим героем у него является подвижник – христианский герой, основными чертами которого были смирение, чувство вечной неудовлетворенности, нравственное развитие личности, познание Бога, «непрерывный самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего я, аскеза духа» [1]. Противопоставляя героя и подвижника, он указывает и на их роль в истории: герой начинает историю с себя, разрывая исторический процесс, а подвижник «восстанавливает нравственную связь» времен. Подвижничество как истинный героизм представляет собой величие духа, искренность, которые, в отличие от интеллигентского героизма, несовместимы с нетерпимостью и фанатизмом.

О социальных функциях героизма рассуждал Й. Хейзинга (1935). Под героизмом он понимает «повышенное осознание личностью своего призвания – не щадя сил, вплоть до самопожертвования участвовать в осуществлении общего дела». Прослеживаемая им эволюция образа героя начинается с тех, кто выполнял свой долг. Лучшими качествами таких людей были: «дисциплина, служение, верность, послушание, самопожертвование» [13]. Исполнение своего долга, невзирая на препятствия, было достаточным условием, чтобы позднее причислить человека к героям. Однако когда слово «долг» становится маловдохновляющим для общества, тогда его сменяет героизм. Хейзинга пишет, что «героизм переходит всякие границы», что без него невозможны «ни Никейский собор, ни свержение Меровингов, ни завоевание и основание Англии, ни Реформация, ни восстание Нидерландов против Испании, ни свободная Америка» [13], т. е. героизм им рассматривается как источник социальных изменений. Особое значение он приобретает в кризисное время, когда «производство» героев становится интенсивнее. К героизму прибегают тогда, когда исчерпаны другие средства мобилизации общества, когда общество ослаблено, когда «понятия служения, миссии, долга больше не имеют достаточно силы, чтобы стимулировать энергию общества. Ее нужно усиливать, как голос через громкоговоритель. Энтузиазм людей необходимо раздувать, а может быть, и 'надувать'» [13]. Последнее с успехом осуществляется в современном массовом обществе (а Хейзинга писал о 1930-х гг., времени распространения фашизма по Европе), когда воздействие медийных образов на общество велико и позволяет им манипулировать.

В современном мире героизм принимает иные формы, новые герои руководствуются как прогрессивными, так и регрессивными целями и задачами. Сегодня героизм проявляется в псевдоформе – мнимом героизме радикальных фундаменталистов-террористов, основывающихся на псевдоисламской идеологии. Новая эпоха создает

новых героев, черпающих силу в страстном энтузиазме, которые в фанатичном ослеплении выполняют свою миссию.

Террористы, смертники, герои

За последние несколько десятилетий по поводу сущности терроризма было высказано множество предположений. В свете обращения террористов к идеям радикального фундаментализма, на наш взгляд, интересной является позиция Н.М. Мотрошиловой: терроризм как проявление современного варварства [6]. Террорист как современный варвар стремится вернуться к прошлому, к началу, «застревает» в нем, пребывает в статичном состоянии. Одним из мотивов человека становится желание избежать изменений, в этом проявляется суть фундаментализма. При этом радикальный исламский фундаментализм требует от своих последователей не просто веры, а активного служения «огнем и мечом». В нем «пушечным мясом» становятся фанатики, которых убеждают в том, что их жертва – это проявление героизма, мученичества, что она необходима.

Современный терроризм называют «суицидальным», «терроризмом смертников», к нему относят террористические акты шахидов (мучеников, павших за веру). Понятие суицидальный терроризм В.А. Соснин рассматривает чрезвычайно широко, отождествляя терроризм как способ политической борьбы, связанной с идеологически мотивированным применением насилия, с крайними приемами и способами ведения войны: «Обвешанных гранатами солдат, бросающихся на пулеметные позиции противника в боевых столкновениях во время Первой мировой войны, можно считать ранними примерами «суицидальной миссии», поскольку нападавшие, как правило, оказывались убитыми. Вооруженные силы Японии также использовали террористов-смертников (пилотов-камикадзе) в военных столкновениях с Соединенными Штатами во время Второй мировой войны [11, с. 22]. Они по существу являлись ракетами, направляемыми на цели врага. В борьбе с фашизмом история Второй мировой войны дает массу примеров самопожертвования воинов нашей страны, которых можно считать террористами-смертниками, идущими на смерть ради защиты своего Отечества (Н.Ф. Гастелло, А.М. Матросов и сотни других патриотов). Такими же примерами являются водители-смертники, направляющие автомобиль, начиненный взрывчаткой, на вооруженные объекты в Чечне или на военные транспорты Соединенных Штатов в Ираке. В приведенном отрывке видно, что автор смешивает героизм и терроризм, выделяя как критерий суицидального терроризма сознательное самоубийство субъекта с определенной целью, чаще всего с целью нанесения вреда живой силе и/или технике противника. Однако в данном перечне примеров лишь последний отвечает признакам суицидального терроризма, который представляет собой «рациональную стратегию, принимаемую воюющими группами, когда для ведения войны имеются крайне ограниченные ресурсы в противостоянии более сильному противнику» [11, с. 21]. Успех такого терроризма связан с тем, что ему трудно противостоять и противодействовать в условиях глобализованного мира.

Кроме понятия суицидального терроризма используется понятие «терроризм смертников» для описания некоторых террористических преступлений. Основные характеристики терроризма смертников: успех операции от смерти ее исполнителя, уверенность исполнителя в том, что он совершает героический поступок во имя высшей цели. Один из руководителей израильского Института мировой политики в области борьбы с терроризмом Е. Швейтцер считает существенными признаками терроризма смертников «политически мотивированное применение силы, осуществляемое индиви-

дуумом (индивидуумами), который активно и целенаправленно уничтожает себя вместе с выбранным объектом» (цит. по [4, с. 126]). С точки зрения С.Н. Иванова, терроризм смертников и суицидальный терроризм – это разные феномены. Последнее понятие не следует применять к террористам-смертникам, поскольку они «не рассматривают такие действия как акт самоубийства» [4, с. 127]. Их историю С.Н. Иванов начинает вести с VII в., «когда дальний родственник пророка Мухаммеда Хусейн пошел с небольшой группой своих сторонников на верную смерть во имя сохранения чистоты ислама (шиитского толка)» [4, с. 127]. К ним же он относит и ассасинов, членов ордена Старца горы, основной целью которого были заказные убийства. К террористам-смертникам были отнесены и народовольцы, и эсеры, активно действовавшие в России на рубеже XIX–XX вв. Однако, на наш взгляд, из описанных примеров к террористам-смертникам следует отнести только террористов псевдоисламских радикальных организаций конца XX в., начиная от «Хезболлах» и других, которые действительно разработали практику подготовки террористов-смертников и смогли с их помощью совершить теракты во многих странах. Деятельность шахидов (террористов-смертников) в разных странах мира сторонники и сочувствующие называют героической, а шахидов прославляют не только как мучеников за веру, но и как героев.

Экстремистов-смертников и камикадзе сравнивает в своем исследовании Е.В. Сальников [9, с. 166]. Осуществлению террористического акта предшествует мощнейшая идеологическая обработка сознания, которой подвергается экстремист. Его разум усваивает новые идеи, экстремист предпочтет жизни борьбу, лишения и смерть. «Умереть за правое дело означает прожить подлинную жизнь, тогда как отказаться от борьбы в угоду призрачному существованию, неподлинному доживанию и смирению – вот что означает смерть» [9, с. 166]. По мнению Сальникова, экстремисты-смертники и камикадзе не относятся к фанатикам, поскольку ими управляет разум, руководствующийся ценностью смерти, а не жизни, который оправдывает применение насилия к другим и к себе. Вместе с тем данное «усредненное» описание не учитывает крайностей в деятельности экстремистов-смертников и камикадзе, когда фанатизм соединяется с религиозным исступлением.

Одной из характеристик смертников является синдром обреченности, состоящий в пренебрежении к своей и чужой жизни. Вместе с тем в псевдоисламских террористических организациях происходит сакрализация действий террориста за счет эксплуатации религиозных идей, их радикализации (подр. об этом [17]). Оправдание верой придает смысл действию, освящает его и жизнь самого человека. Он чувствует себя героем, спасителем, мессией. Парадоксально, что при этом террорист погибает во имя торжества идеи и веры. Ему свойственна, как пишет М.Я. Яхьяев, «высокая степень эмоционально-психологической, нравственной вовлеченности в террористическое действие», для него теракт – «форма выражения своей сопричастности к Высшему началу, способ беззаветного служения Ему, обретение личного спасения» [16, с. 72].

С другой стороны находятся организаторы и вдохновители терактов, которые представляют собой функционеров, занимающихся подготовкой террористических актов, обучением террористов. Большую роль в этом процессе играют СМИ. Они не только сообщают о террористических актах, но и невольно пропагандируют их, привлекая к такой деятельности недовольных и заинтересованных лиц, если подтверждается успешность этих мероприятий.

Летом 2016 г. после серии терактов в Европе на российском телевидении активно обсуждали причины и последствия терроризма. Была высказана точка зрения, с которой трудно не согласиться, что одной из значимых причин процветания терроризма является его активный «пиар» на всех СМИ. Его адепты становятся известны, и в этом

скрыта часть привлекательности терроризма. Сведение к минимуму информации о терроре в различных СМИ и сети Интернет позволит приблизить мир к победе над ним. Ведь современное информационное поле способствует популяризации и воспроизводству не только терроризма, но и фанатизма. К тому же ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) любой теракт приписывает себе для оказания влияния на эмоциональный фон современного общества.

В настоящее время террористические организации активно используют различные СМИ с целью популяризации своих идей и вербовки. Так, с 2010 г. выходит журнал «Inspire», предположительно принадлежащий Аль-Каиде, в котором содержатся истории террористов-смертников, а также советы по диверсионно-террористической деятельности. В 2011 г. появилась информация о том, что Аль-Каида снимала мультфильм для детей, в котором рассказывалось о подвигах воинов джихада. Целью Аль-Каиды было повышение привлекательности религиозного терроризма, обращение детской аудитории к идеям радикального ислама.

Примерно с 2007 г. в СМИ периодически появляется информация о тренировочных детских лагерях (сначала это были лагеря Аль-Каиды – «Туюр-аль-Джанна» («Райские птицы»), сейчас – ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) «Детёныши Заркави», «Львята Халифата»), где занимаются подготовкой юных террористов. Будущих детей-смертников подбирают из сирот или похищают у родителей. Их религиозное и идеологическое обучение дополняется рассказами о героизме и джихаде. Детей учат не только военному делу: стрельбе из пистолетов, автоматов, пулеметов, метанию ручных гранат. Их целенаправленно психологически готовят к новой роли: «показывают казни с обезглавливанием, заставляют принимать участие в публичном побитии камнями неверных» [12]. Их используют потому, что детям проще подобраться к взрослым и подорвать себя, они не так привлекают внимание, как взрослые. «По словам американского генерал-майора Дугласа Стоуна, детей легко научить воевать, так как они легко поддаются влиянию и не боятся многих вещей, которых опасаются взрослые» [3]. В итоге получается, что дети представляют собой идеальных бойцов, им отводится роль героев. Вместе с тем необходимо отметить, что количество детей в таких лагерях по сравнению с числом взрослых террористов, принимающих участие в боевых действиях ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) или в терактах, невелико. Однако не может не тревожить возросшее внимание террористических организаций к вербовке и подготовке детей и подростков к роли героев-убийц. Как сложится их дальнейшая судьба: смогут ли они приспособиться к мирной жизни или их и дальше будут использовать как орудие другие террористические организации? Идеальные бойцы – будущие дети-убийцы должны стать объектом пристального внимания правоохранительных органов и всего общества, чтобы потенциальные угрозы не стали реальностью.

Заключение

Таким образом, подготовка террористов-фанатиков как новых героев поставлена на «поток». Вербовщики активно используют недовольство социально-экономическим и политическим положением представителей разных национальностей по всему миру для вовлечения в псевдоисламские террористические организации (по данным на декабрь 2015 г. в рядах ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) воевало около 30 тыс. наемников из 86 стран мира, в том числе из стран Центральной Азии, Китая, РФ) [14]. Такова потенциальная социальная база терроризма. Террористы-фанатики не только ищут социальной справедливости в условиях дискриминации, хотят обрести веру и новый смысл жизни, ими движет стремление совершить подвиг, привлекает возможность стать героем в этой и последующей жизни.

Литература

1. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html>.
2. Гольбах П. Священная зараза или естественная история суеверия. Гл. 12. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Ateizm/Golbah/12.php.
3. Иванов В. В бой идут подростки. Дети «Аль-Каиды» // Национальный портал противодействия терроризму. Россия. Антитеррор. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.antiterror.ru/text/library/smi/166577001.html>.
4. Иванов С.Н. Терроризм смертников: исторический аспект // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – № 1. – С. 126–134.
5. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
6. Мотрошилова Н.М. Цивилизация и варварство в современную эпоху. – М.: ИФ РАН, 2007. – 268 с.
7. Мясников А.Г. И. Кант и М. Робеспьер: критика политического деспотизма и ожидание прогресса // Философия и общество. – 2008. – № 2, апрель-июнь. – С. 151–167.
8. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gasset/raz_don.php.
9. Сальников Е.В. Экстремисты-смертники и камикадзе: философский дискурс самоубийственных акций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 4 (18): в 2 ч. Ч. 1. – С. 165–168.
10. Сапожникова И.В. Страх как социальное явление: культурологический аспект. – Тольятти: Изд-во ТГАС, 2004. – 151 с.
11. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма. Исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI в. – М.: Форум, 2012. – 256 с.
12. Стурюа М. «Львята Халифата» или дети – жертвы религиозных войн. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru/social/2014/12/28/lyyata-khalifata-ili-detizhertvy-religioznykh-voyn.html>.
13. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. Гл. XV. Героизм. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heizin/15.php.
14. Эксперты: около 30 тыс. наемников из 86 стран воюют на стороне ИГ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2510144>.
15. Юм Д. Трактат о человеческой природе. – Минск: Попурри, 1998. – 717 с.
16. Яхьяев М.Я. К вопросу об экстремизме в исламе // Исламоведение. – 2015. – № 2 (24). – С. 64–76.
17. Яхьяев М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. – 2012. – № 2. – С. 4–14.

References

1. Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenij o prirode russkoj intelligentsii) [Heroism and Asceticism (Reflections on the Nature of the Russian Intelligentsia)] *Vekhi. Sbornik stateij o russkoj intelligentsii*. [Vekhi. A collection of seven essays published in Russia in 1909] Moscow, 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html>. (In Russian)

2. Golbakh P. *Svjaschennaja zaraza ili estestvennaja istorija sueverija*. [Sacred Contagion or the Natural History of a Superstition.] Iss. 12. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Ateizm/Golbah/12.php. (In Russian)

3. Ivanov V.V. *V boj idut podrostki. Deti "Al-Kaidy"*. [Go to Fight Teenagers. The Children of *Al-Qaeda*] Natsional'nyi portal protivodeistviya terrorizmu. Rossiya. Antiterror. [The Federal Web Portal on Counter-Terrorism. Russia. Antiterror.] URL: <https://www.antiterror.ru/text/library/smi/166577001.html>. (In Russian)

4. Ivanov S.N. Terrorizm smertnikov: istoricheskij aspekt [Suicide Terrorism: Historical Perspective] *Vestnik Udmurtskovo universiteta* [Bulletin of Udmurtia University]. 2008. № 1. S. 126–134. (In Russian)

5. Karlej T. *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii*. [Heroes, Honoring Heroes and the Heroic in History] Moscow. Eksmo, 2008. 864 s. (In Russian)

6. Motroshilova N.M. *Tsivilizatsija i varvarstvo v sovremennuju epokhu*. [Civilization and Barbarism in the Modern Age.] Moscow. IF RAN, 2007. 268 s. (In Russian)

7. Mjasnikov A.G. I. Kant i M. Robesp'er: kritika politicheskovo despotizma i ozhidanie progressa [Kant and M. Robespierre: Criticism of Political Despotism and the Expectation of Progress] *Filosofija i obschestva*. [Philosophy and the Society.] 2008, № 2, April-June. S. 151–167. (In Russian)

8. Ortega-i-Gasset H. *Razmyshlenija o "Don Kikhote"* [Reflections on "Don Quixote"] URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gasset/raz_don.php. (In Russian)

9. Salnikov E.V. Ekstremisty-smertniki i kamikadze: filosofskij diskurs samoubijstvennykh aksij [Suicide Extremists and Kamikaze Killers: a Philosophical Discourse of Suicidal Attacks] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. [Historical, Philosophical, Political Sciences and Jurisprudence, Culturology and Art Studies. The Issues of Theory and Practice.] 2012. № 4 (18): v 2 ch. Ch. 1. S. 165–168. (In Russian)

10. Sapozhnikova I.V. *Strach kak sotcialnoe javlenie: kulturologicheskij aspekt*. [Fear as a Social Phenomenon: the Culturological Aspect.] Tol'jatti. TGAS, 2004. 151 s. (In Russian)

11. Sosnin V.A. *Psichologija suitsidalnogo terrorizma. Istoricheskie analogii i geopoliticheskie tendentsii v XXI v.* [The Psychology of Suicidal Terrorism. Historical Analogies and Geopolitical Trends in the 21st Century] Moscow: Forum, 2012. 256 s. (In Russian)

12. Sturua M. «L'vjata Khalifata» ili deti – zhertvy religioznykh vojn ["The Young Lions of the Caliphate" or Children as Victims of Religious Wars.] URL: <http://www.mk.ru/social/2014/12/28/lyata-khalifata-ili-detizhertvy-religioznykh-voyn.html>. (In Russian)

13. Khyozjinga J. *V Teni zavtrashnego dnja. Gl. XV. Geroizm*. [In the Shadow of Tomorrow. Chapter 15. Heroism.] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heizin/5.php. (In Russian)

14. *Eksperty: okolo 30 tys. naemnikov iz 86 stran vojujut na storone IG*. [Experts: about 30 Thousand of Mercenaries from 86 Countries are Fighting for the ISIS.] URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2510144>. (In Russian)

15. Jum D. *Traktat o chelovecheskoj prirode*. [A Treatise on Human Nature.] Minsk. Popurri, 1998. 717 s. (In Russian)

16. Jakh'jaev M.Ja. K voprosu ob ekstremizme v islame [To the Issue of Extremism in Islam] *Islamovedenie*. [Islamic Studies.] 2015. № 2 (24). S. 64–76. (In Russian)

17. Jakh'jaev M.Ja. *Prichiny radikalizatsii islama v sovremennom mire* [The Causes of Islam Radicalization in the Contemporary World] *Islamovedenie*. [Islamic Studies.] 2012. № 2. S. 4–14. (In Russian)